

© 1993 г.

М.В. Дьячков

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Формирование и осуществление языковой политики в Российской Федерации на современном этапе основывается на двух документах: Законе «О языках народов Российской Федерации», единогласно принятом Верховным Советом РФ 25 октября 1991 г., и Концепции государственной программы по сохранению и развитию языков народов Российской Федерации, одобренной Советом Национальностей ВС РФ 3 июня 1992 г.

В Законе «О языках...» констатируется, что «языки народов РФ — национальное достояние Российского государства. Они являются историко-культурным наследием и находятся под защитой государства» (Введение). А в Концепции говорится о необходимости «поиска конструктивных решений, направленных не на преодоление отдельных недостатков и перекосов в языковой политике, и по существу на смену политической парадигмы, на создание действительно благоприятных условий для свободного развития всех языков народов России» (Вводная часть). Изменение парадигмы языковой политики предусматривает, в частности, осуществление практических шагов по изменению языковых ориентаций как двуязычного местного населения, так и «русскоязычного», т.е. не владеющего местным языком. Принимая во внимание проводившуюся в течение последних десятилетий в СССР языковую политику, которая вела к принижению социального значения местных языков, задача, стоящая перед нами, чрезвычайно сложна, требует значительного времени и усилий со стороны органов образования, средств массовой информации, органов власти по изменению отношения к местным языкам, разъяснению социальной необходимости обоюдного двуязычия и формированию благоприятного общественного мнения в пользу их более широкого использования всеми постоянными жителями данного региона независимо от этнического происхождения.

Именно в таком ключе и должно осуществляться формирование языковой политики в Российской Федерации. В то же время нельзя не учитывать большое этноязыковое разнообразие, характерное для регионов обширного Российского государства. Различные этносы и различные языки обладают разной степенью самосохранения и саморазвития; неодинаково соотношение между местным национальным и «русскоязычным» населением, между компактностью или дисперсностью проживания того или иного этноса в регионах. Также не следует забывать о том, что наряду с естественным формированием тех или иных этнодемографических параметров (компактность или дисперсность, оседлый или кочевой образ жизни, исторически сложившееся этническое взаимопроникновение и т.п.), имело место искусственное изменение этих параметров (массовые миграции, приводившие к «разбавлению» местного населения, целенаправленное формирование неблагоприятного отношения к ряду языков вплоть до побуждения отказа от них и полному переходу на русский и т.п. Подходы к решению проблем в подобных случаях должны быть различными.

Из этого следует, что концепция языковой политики в целом может содержать лишь общие для всех регионов Федерации положения, а такие у нас несомненно имеются, допуская при этом значительную степень вариативности в регионах.

Одним из следствий проводившейся в СССР начиная с конца 1930-х годов национально-языковой политики было резкое снижение интереса к национальным языкам как со стороны их непосредственных носителей, так и со стороны соседствующего с ними иноэтнического и иноязычного населения. Все время устойчиво снижалась доля нерусского населения, считающего своей национальный язык родным. Иными словами, происходила интенсивная языковая ассимиляция. Только за 10 лет — в период между переписями 1979 и 1989 гг. — численность считающих свой национальный язык родным снизилась у карелов с 61,8% до 51,5%, коми — с 80,0% до 74,4%, мари — с 93,7% до 88,4%, удмуртов — с 82,3% до 75,7%, мордвы — с 94,3% до 88,5%, коми-пермяков — с 87,0% до 82,9%, хантов — с 64,8% до 55,1%, манси — с 51,9 до 36,6% [1]. При этом указанный процесс обуслав-

ливался большей частью не естественными, а искусственными факторами. Некоторые российские лингвисты относят такие языки, как югский (Туруханский район Красноярского края), керекский (Чукотка), алеутский (о-ва Беринга и о-в Медный), орокский (Сахалин), негидальский (Хабаровский край), эскимосский (Чукотка), ительменский (Камчатка), удэгейский (Хабаровский край), юкагирский (Якутия), алоторский (Камчатка) и т.д. к исчезающим. Лингвисты-теоретики ставят перед собою задачу письменного фиксирования материала этих языков еще до их полного исчезновения [2]. Одна из настоятельных к неотложных задач языковой политики в России — разработка методик сохранения таких языков в живом функционирующем виде, а не только в виде записей на бумаге и магнитофонной ленте. Часть подобных усилий может оказаться тщетными, но в ряде случаев несомненно ожидается успех.

Сохранение национальных языков в России в целом тесно сопряжено с овладением ими, как неродными, постоянными иноязычными жителями того или иного региона. В противном случае все больше языков будет причисляться к категории исчезающих, а надежды на сохранение их как живых уменьшатся. Не надо доказывать, что любой язык вряд ли может развиваться и успешно функционировать в различных сферах деятельности, если его использует лишь какая-то ограниченная часть постоянных жителей данного региона. Задача сохранения жизни языков не может осуществиться без изменения отношения к ним со стороны «русскоязычных», т.е. постоянного населения региона, не владеющего местным языком, — социальной категории, возникшей в советское время в результате миграционной и национально-языковой политики государства. Как известно, в дореволюционной России «русскоязычных» как социальной категории не существовало, во-первых, вследствие ограниченной миграции и, во-вторых, вследствие формирования стихийного обоюдного двуязычия* в местах межэтнических контактов. Таким образом, одной из важнейших и неотложных задач современной языковой политики является становление в регионах проживания разнородного населения обоюдного функционального двуязычия, чему практически препятствовала лингвистически неграмотная концепция признания русского языка «вторым родным» для всех народов СССР. Следствием этого является положение, при котором, например, в Чувашии, где чуваша составляют 67,8% населения республики, только 2,5% русского населения владеет чувашским языком; в Коми-Пермяцком округе, где коми-пермяки составляют 60,2% населения, коми-пермяцким языком как вторым владеет только 3,7% русского населения. Эти показатели еще ниже в тех регионах Федерации, где местное нерусское население составляет меньшинство (Мари Эл, Удмуртия, Коми Республика и т.д.). Несомненно, форсированное обучение в ограниченные сроки всего взрослого населения региона местному языку в качестве второго языка представляется в наших условиях практически неосуществимым. Однако, по нашему убеждению, введение местного языка в качестве одного из основных компонентов регионального стандарта образования для всех средних школ с русским языком обучения независимо от этнической принадлежности учащихся является необходимым и обязательным условием эффективной языковой политики вообще и в образовании, в частности. Если местных языков в конкретном регионе более одного, то в качестве основного компонента регионального стандарта образования должен быть включен на региональном уровне по крайней мере один из них: карельский или финский в Карелии, кабардинский или балкарский в Кабардино-Балкарии, аварский в Дагестане, поскольку он используется в качестве языка межэтнического общения, и т.д. Что касается языков малочисленных этносов, таких как вепсский и Карелии, годоберинский в Дагестане и др., то от их преподавания не следует отказываться ни под какими предлогами. Однако они в качестве учебного предмета являются компонентами уже не регионального стандарта образования, а стандарта данной конкретной школы, независимо от этнической принадлежности учащихся. Только в этом случае проблему формирования обоюдного функционального двуязычия можно в целом решить на протяжении одного школьного поколения. Причем начинать следует как можно раньше, желательно со следующего учебного года, если позволяют возможности, поскольку на решение этой проблемы уйдет не менее 10 учебных лет. Зачастую приходится сталкиваться с нежеланием иноязычного населения данного региона (а в РФ практически все национальные регионы являются смешанными в этническом и языковом отношении) овладевать местным языком. При этом делаются ссылки на якобы ущемление прав личности в пользу прав коллектива (в данном случае нерусскоязычного этноса). Много говорится о приоритете индивидуальных прав человека над коллективными. При этом полностью игнорируется то обстоятельство, что невладение местным языком одною частью социума ущемляет индивидуальные права другой стороны. Нерусское население в этом случае лишено возможности реализовать право общения на родном языке во всех сферах коммуникации в пределах своего национального региона. Вполне понятно, что индивидуальные права тесно сопряжены как с индивидуальными обязанностями, так и с коллективными правами. Противопоставление одних другим в данном случае бессмысленно. Пользоваться правами можно, лишь выполняя соответствующие обязанности.

Одновременно с этим следует как можно скорее разработать, утвердить и довести до сведения

всех средних школ федеральный стандарт обучения русскому языку — государственному языку России — в двух вариантах: как родному и как неродному. Только в этом случае можно будет говорить о реальном начале осуществления задачи формирования массового функционального двуязычия среди всего населения России. В соответствии с федеральными и региональными стандартами образования по принятой Министерством образования РФ трехуровневой градации все население будет овладевать русским языком, а население национальных регионов независимо от своей этнической принадлежности также и местным языком, имеющим наиболее широкое хождение в данном регионе. Как уже говорилось, различные этносы России обладают различной степенью самосохранения этнической культуры и языка. Чем ниже эта степень, тем более значима роль системы образования в сохранении и развитии местной культуры и языка (языков). Органы образования сами по себе не смогут справиться с осуществлением этой задачи без активной помощи и поддержки со стороны местных органов власти и средств массовой информации. Активная и эффективная языковая политика предусматривает как активизацию СМИ в этом направлении, так и создание соответствующих служб при местной администрации.

В наши дни одной из важнейших исходных предпосылок для эффективного функционирования и развития любого языка является наличие у него такой орфографической системы, которая облегчала, а не затрудняла бы овладение грамотностью на данном языке. Причем это положение относится ко всем без исключения языкам, независимо от числа носителей. Без письменности язык лишен возможности даже элементарного функционирования в системе образования, не говоря уже о СМИ, художественной литературе и т.п. Без письменности он превращается в язык «кухонного общения». Лишь только письменность может спасти язык малочисленного этноса от полного исчезновения в течение нескольких десятков лет. Письменность служит одним из важнейших средств сохранения языка в живом виде. Как известно, в послереволюционный период активно и компетентно разрабатывались письменности для многих языков, хотя эта политика проводилась и недостаточно последовательно. В основном в конце 30-х годов все вновь разработанные на латинской основе алфавиты стала переводиться на русскую графику, при этом многие младописьменные языки были опять превращены в бесписьменные под предлогом их якобы «неперспективности». Что касается выбора латинской или русской графики, то это обуславливается не лингвистическими, а политическими, культурными, религиозными и прочими, т.е. неязыковыми, причинами. С лингвистической точки зрения оба эти алфавита более или менее равноценны. Например вепсы в наши дни отдают предпочтение латинскому алфавиту, поскольку у них традиционно складывались и сохраняются достаточно тесные контакты с финнами и карелами, также использующими латинскую графику. А удмурты, мордва, мари сохраняют письменную традицию, восходящую к русским православным миссионерам, разработавшим для них первые азбуки. Некоторые этносы считают, что русская графика была им навязана насильственно, и стремятся перейти на латиницу. В некоторых языках, например, адыгских орфографическая система на русской основе настолько сложна и неэффективна, что оставляет значительную часть населения неграмотной на родном языке. В любом случае выбор основы для алфавита — это дело данного этноса, его культурных традиций. Высказываемое некоторыми лингвистами мнение о том, что для всех языков России предпочтительнее иметь письменность на русской основе, представляется необоснованным, а в ряде случаев и вредным. Необходимо только, чтобы выбор графики или решение о ее замене было достаточно аргументированным и обеспечивало необходимую преемственность. Что касается усложненной и плохо приспособленной для других языков арабской графики, распространившейся по миру вместе с исламом, то факультативное изучение ее в средних школах и вузах будет способствовать повышению филологической культуры населения и никак не может считаться вредным.

Важным фактором существующей языковой реальности является придание местному титульному языку в ряде республик в составе РФ статуса государственного. Это соответствует разделу 3 статьи 3 Закона ' «О языках народов Российской Федерации», в котором говорится: «Республики в составе РФ могут устанавливать статус государственного языка республики в составе РФ». Опыт ряда республик, входивших в состав СССР с различным статусом, свидетельствует о том, что провозглашение языка государственным в значительной степени повышает его социальный престиж, формирует благоприятные оценочные факторы, способствует расширению его функциональности и овладению им постоянным иноязычным населением региона. Вместе с тем, по нашему убеждению, провозгласив язык государственным, республика тем самым принимает на себя комплекс обязательств в отношении преподавания этого языка во всех средних и частично высших школах, издания учебных пособий и учебников на этом языке, использования его в делопроизводстве, СМИ, повседневной общественной жизни. В качестве положительного примера можно привести Закон «О государственном языке Узбекистана», в статье 4 которого говорится: «Республика Узбекистан обеспечивает граждан, не владеющих узбекским языком, бесплатным обучением государственному языку республики». И это положение не только провозглашается, но и реализуется. В рамках РФ

подобные обязательства, которые государство должно брать на себя в связи с провозглашением языка государственным, не декларируются и не реализуются. Таким образом, одной из неотложных задач текущей языковой политики является создание в республиках в составе РФ, провозгласивших титульные языки государственными, такой ситуации, при которой реальный статус языка доводится до провозглашенного статуса.

В соответствии с разделом 2 статьи 3 Закона «О языках...» русский язык провозглашается государственным на всей территории Федерации. В связи с этим вызывают недоумение дискуссии относительно статуса этого языка в рамках отдельных республик в составе РФ, ведущиеся на различных уровнях, включая парламентский. Логика юридического документа подсказывает, что, если республика признает себя входящей в состав Российской Федерации, она автоматически признает и государственный статус русского языка на своей территории, являющейся в этом случае частью «всей территории Федерации». Иное дело, что помимо русского она может иметь или не иметь другой или другие государственные языки. Именно поэтому с законодательной точки зрения единые требования к овладению русским языком как родным или как неродным должны определяться на федеральном, и не на региональном или школьном уровне. С практической точки зрения, только такой подход к изучению федерального государственного языка даст возможность выпускнику любой средней школы Федерации спокойно сдавать вступительный экзамен по русскому языку и русской литературе в любое высшее учебное заведение Федерации.

В заключение следует напомнить, что в соответствии с разделом 1 статьи 4 Закона «О языках народов Российской Федерации», «органы законодательной, исполнительной и судебной власти РФ гарантируют и обеспечивают социальную, экономическую и юридическую защиту всех языков народов РФ». При этом следует еще раз подчеркнуть, что защита отдельных языков независимо от числа их носителей в многонациональном и многоязычном государстве имеет не только культурное, но и социальное значение, способствует стабилизации и гармонизации отношений между отдельными индивидами в данном социуме. К сожалению, перечисленные в статье 4 требования, такие как финансовое обеспечение сохранения и развития языков, осуществление льготной налоговой политики и т.д., удовлетворяются далеко не всегда как на федеральном, так и на региональном уровне. Одной из важнейших задач при осуществлении эффективной языковой политики является практическая реализация положения этой статьи Закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Численность населения и некоторые социально-демографические характеристики национальностей и народов РСФСР. М.: Госкомстат, 1991. С 42—47.
2. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 67—79.